

СВЕТЛАНА АДОНЬЕВА

Дух народа и другие духи

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 398
ББК 60
А31

Адоньева С.

А31 Дух народа и другие духи / Светлана Адоньева. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 287 с. : ил. — (Серия «Пальмира — университет»).

ISBN 978-5-517-02903-4

Книга антрополога, фольклориста С. Б. Адоньевой состоит из серии антропологических очерков, описывающих культурные стереотипы, которые формируют картину мира постсоветского человека, — от встречи Нового года до посещения мемориальных «садов камней».

**УДК 398
ББК 60**

© Адоньева С. Б., 2020

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

ISBN 978-5-517-02903-4

ОТ АВТОРА

О чем пойдет речь в этой книжке? О тех действиях, которые мы совершаем праздно, объясняя творимое обычаем или собственной вольной волей. И о тех чувствах, которые мы испытываем, думая, что они уникальны, что они — наши личные, особенные. А они тем не менее оказываются общими для многих.

Так, мне всегда почему-то трудно было строить планы на новогодние праздники. Новогодняя ночь стоит как стена: все должно происходить *до* нее или *после*, поскольку в ней самой есть трепет временного разрыва, случая, но не несчастного, напротив — чуда, дара. Ты ждешь события, которое не ты планируешь, но — о тебе спланировано, причем спланировано теми, кто тебя любит. Я уверена, что мой читатель знает, о чем я, а следовательно, нас не так мало — чувствующих одно и то же в предлагаемых обстоятельствах и делающих — одно и то же.

Ну, например, пнуть табурет, о который больно ударился.

Или — сжечь фотографии изменника.

Или — менять старую жену на новую каждое десятилетие.

Или — сплести венок и бросить в воду или туда же, в реку — окиян, — бутылку с посланием.

А еще — поехали себе отдыхать, ну, скажем, в Грецию, или в Крым, или в Вологодскую область. Остановились где-то в красивом месте и увидели родничок. А над ним дерево, все увязанное ленточками-тесемочками. И люди приходят, и веревочки на наших глазах завязывают, а на вопросы «зачем?» не отвечают, стесняются. Дай-ка и я привяжу, на счастье, хуже не будет.

Я впервые обратила внимание на эту традицию — с ленточками-веревочками, когда лет десять назад была в Истре, в Новом Иерусалиме.

Случился первый осенний заморозок, золотые, не успевшие побуреть листья издавали под ногой хрустальный треск. Было тихо, морозно и ясно. Когда мы вышли за стены монастыря и отправились к «иордани», к хрусту мороженого листа добавился еще один звук, похожий на хлопанье белья на ветру. Источник звука открылся скоро и поразил своей театральностью. В том смысле, что наблюдаемое могло быть только декорацией, чем-то сделанным специально для каких-то нам неизвестных, но кому-то ясных целей. Все деревья и кустарник вокруг «иордани» были густо перевязаны лоскутами прозрачного полиэтилена, который, промерзнув, громко хлопал на ветру. Картине было дано объяснение: у паломников-туристов не случалось тесемочки, они отрывали лоскут от пластиковых мешков и привязывали его «на счастье». В отличие от ткани синтетика не тлеет, и за годы паломничества кустарник превратился в рощу с вечной листвой. Место более походило на кислотный арт-объект, нежели на святыню.

Итак, эта книжка о коллективных чувствах и коллективных действиях.

Мои дети, рожденные в девяностых, уже не видели учебный фильм «про собаку Павлова». Для тех счастливых, которые не были травмированы с детства ужасом пробирки, вставленной в живую собачью плоть, я расскажу историю про условный рефлекс.

Собака видела лампу, которая зажигалась в тот момент, когда ей приносили миску с едой, и привыкла к этому совпадению событий. Лампа зажигается — появляется еда — выделяется слюна и капает в ту самую пробирку. Еду приносить перестали, а слюна продолжала выделяться в тот момент, когда зажигали лампу. Собака испытывала голод и готовилась к принятию пищи при виде предмета, совершенно неаппетитного. Это и был ее условный рефлекс.

Наши собственные коллективные чувства и действия суть такие рефлексy. Вопрос, на который я искала ответ, состоит

в том, кто этот «Павлов», что в нас их выработал и за счет каких лабораторных постановок. Ответы не всегда оказывались однозначными, но на пути их получения удавалось обрести нечаянную награду, не только познавательную, но и психотерапевтическую. Осознать природу собственных действий и правил означает возможность ими управлять, а значит, не зависеть от них, освободиться. А свобода — всегда хорошее приобретение. Так, я могу лечь спать до двенадцати ночи 31 декабря: новогодние бдения утратили священный смысл. Не буду жечь фотографию изменника и смогу объяснить, что именно делает тот/та, кто сжигает. Расскажу своим тридцатилетним приятелям, что в их страсти к новой секретарше мало личного.

Общим для текстов, объединенных в этом издании, является то, что внутренним мотивом к их написанию в каждом из случаев было желание понять факты той культуры, к которой я принадлежу. Такая позиция позволяла видеть связь между символической формой — высказыванием, действием, предметом — и ее эмоциональным, психологическим содержанием. Поклонение кумиру, «страшные истории», Дед Мороз, родильные дома и пионерские лагеря, гадания на суженого и пение застольных песен — личное прошлое, эпизоды личной биографии. Вместе с тем едва ли можно представить себе биографию гражданина СССР, рожденного в 1930—1980-х годах, лишенную всех составляющих приведенного перечня.

С тех пор как я обратилась к этим темам впервые, прошло десять лет. В результате моих исследований в 2001 году вышел сборник очерков «Категория ненастоящего времени». Некоторые мои коллеги сочли эту работу ненаучной, хотя я считала, что делаю нечто вполне «ученое». Значительная часть моих друзей и читателей, напротив, сочла ее слишком научной и поэтому трудной, хотя им всегда было интересно слушать мои рассказы. Эту книгу я написала для друзей.

ГЛАВА I

КУЛЬТУРНЫЕ СЮЖЕТЫ И ЖИЗНЕННЫЕ СЦЕНАРИИ

Не существует прошлого вообще и будущего вообще. Все зависит от того, как мы расположимся в точке нашего настоящего, и от того, захотим ли вообще эту точку заметить. Так же и история никогда не бывает историей вообще, она всегда чья-то история: она не может разворачиваться иначе как из точки «я — здесь — сейчас», из точки настоящего, причем такого, которое кем-то переживается:

«Каким же образом уменьшается или исчезает будущее, которого еще нет? Каким образом растет прошлое, которого уже нет? Только потому, что это происходит в душе и только в ней существует три времени. Она и ждет, и внимает, и помнит: то, чего она ждет, проходит через то, чему она внимает, и уходит туда, о чем она вспоминает... Я собираюсь пропеть знакомую песню; пока я не начал, ожидание мое устремлено на нее в целом; когда я начну, то по мере того, как это ожидание обрывается и уходит в прошлое, туда устремляется и память моя. Сила, вложенная в мое действие, рассеяна между памятью о том, что я сказал, и ожиданием того, что я еще скажу. Внимание же мое сосредоточено на настоящем, через которое переправляется будущее, чтобы стать прошлым. Чем дальше и дальше движется действие, тем короче становится ожидание и длительнее воспоминание, пока, наконец, ожидание не исчезнет вовсе: действие закончено; оно теперь все в памяти. То, что происходит с целой песней, то происходит с каждой ее частицей и с каждым слогом; то же проис-

ходит и с длительным действием, частицей которого является, может быть, песня; то же и со всей человеческой жизнью, которая складывается, как из частей, из человеческих действий; то же со всеми веками, прожитыми „сынами человеческими“, которые складываются, как из частей, из всех человеческих жизней» (Аврелий Августин. Исповедь).

Надвигающееся будущее может быть «исполнено» в настоящем так же, как исполняется песня в приведенном выше описании св. Августина. Такой «текст» располагается вне временного потока, он служит образцом для данного, но не единственного исполнения.

«Исполнитель» такого настоящего целиком предопределен существующим до момента исполнения образцом.

Свобода в исполнении собственной жизни, в принятии решений в каждый момент времени ограничивается в значительной степени тем, к какому жанру я прибегаю для понимания происходящего: «Как мы лодочку называли, так она и поплывет».

Совокупность жанровых сценариев, заданных культурной традицией — родителями, школой, любимыми фильмами и книжками, — позволяет иметь предсказуемое будущее. Жанр в данном случае — способ организации отдельных фрагментов жизни в связное повествование. Например, писательница Дарья Донцова в начале автобиографического очерка «Записки безумной оптимистки» замечает следующее:

«За последние полгода я, проигнорировав совет профессора Преображенского (профессор Преображенский — один из главных героев книги М. Булгакова „Собачье сердце“, который настоятельно рекомендовал не читать газет на ночь), перед тем как заснуть, листала самые разные издания и почти во всех натыка-